

Ты ведь даже не знаешь, что я люблю тебя

18+

Александр Суханов

Александр Иванович Суханов
Ты ведь даже не знаешь,
что я люблю тебя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63866247

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-98765-4

Аннотация

Все эти рассказы написаны в разное время, вдохновлены людьми, музыкой, кинофильмами и событиями вокруг и, практически все написаны на телефоне во время поездок в метро. Как оказалось, это самое уютное место для создания литературных произведений.

Содержание

От автора	4
Как можно не влюбиться в девушку с идеальным кинематографическим вкусом?	6
Бегущие в ночи	10
Лёгкие мысли	30
Никотиновые призраки	35
Лара	39
Письмо	46
Вот бы, и правда, встретить утро вместе	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Суханов

Ты ведь даже не знаешь, что я люблю тебя

От автора

Я понял, что мне нравится создавать миры. Мне нравится в них жить. Никто и ничто не может отнять у меня это. Эти истории, безумные приключения, яркие переживания, невероятные истории любви и прочее – всё там. В каждом, почти в каждом герое есть отражение меня. В слетевшем с катушек Вороне, мучающем людей, что глубоко несчастен и одинок в душе, в убийце теней Фэре, смелом и честном, в мудрой и талантливой Кассандре. В каждом герое тень создавшего. Мне не нужна ни власть, ни безумная мания величия от создания миров. Нет. Мне просто нравится жить этим. Тут я просто трясусь в транспорте, зажатый меж людей, а там – я живу.

Все эти рассказы написаны в разное время, вдохновлены музыкой и, практически все, написаны на телефоне во время поездок в метро. Как оказалось, это самое уютное место для создания литературных произведений.

В этот сборник вошли короткие и длинные рассказы –

от меланхолично-романтических зарисовок до фантастики и «отвратительно детального» хоррора («Грязь»).

Хочу поблагодарить за мотивацию, вдохновение и поддержку: Ольгу Суханову, Александра Шалденкова, Александру Чернышеву, Ксению Верхову, Екатерину Булгакову, Софью Шерстнякову, Романа Мадянова и моих родителей – Ивана и Елену Сухановых.

Искренне благодарю тебя, мой дорогой читатель, за приобретение данной книги и желаю приятного чтения и удачи во всех делах.

Александр Суханов.

Как можно не влюбиться в девушку с идеальным кинематографическим вкусом?

Я курю электронные сигареты. Раз за разом. Пока в них не заканчиваются картриджи с никотиновой жидкостью, украшенной каким-то вкусом. Мята, ваниль, персик, вишня, обычный табак... В ящике стола лежат обычные. Те, что нельзя курить прямо в комнате, когда пальцы ловко щёлкают по кнопкам ноутбука, или же печатной машинки. Снова всё в дыму. Экран тонет в нём, будто в тумане. В колонке, конечно же, умной, играет Balthazar – Losers. То, что я услышал у тебя.

На столе, под стеклом – фото. Отснятые на плёнку в век цифровизации. Я их люблю и ненавижу. Но искренность кадра, настоящее плёночное зерно и честные 35 миллиметров – это то, что напоминает о лете. О нашем лете и фильмах взапой.

Хорошее вино, крафтовое пиво, твоя белая рубашка на спинке стула на балконе... Ты стояла прямо там и смотрела на меня. Наши глаза, голубые у обоих, отражали медленно сливающийся в охру закат. Будь это фильм, заиграла бы музыка.

Мы смеёмся и спорим какую песню поставить... а потом,

потом я возвращаюсь в комнату и скручиваю со своего цифрового «кенона» объектив и ставлю его на плёночную камеру. Хорошее стекло, как хорошее вино, всегда важно. Пока мы обсуждаем фильмы Копполы, ты смеёшься, берёшь вино, оставляя на стекле отпечаток помады так же, как и как закат оставляет там блики и отражение мира. Отражение мира вокруг – в твоих обнажённых плечах, в дыму, что я выпускаю в открытое окно, в старом кактусе в углу балкона, в редких облаках, аккуратными росчерками пересекающими небо.

Я открываю диафрагму объектива шире, размывая мир вокруг тебя. Он всё равно не имеет значения. Затянувшись сигаретой, нажимаю на спуск затвора, выпустив в низ кадра облачко дыма. Ты смеёшься. И в глазах появляются искорки, что так пленяют.

Ты любишь Дэвида Линча, а я люблю тебя. От заката и до рассвета. Мы не спим, игнорируя самый жаркий день, будто герои «Выживут только любовники» Джармуша. Валяемся на кровати, слушая старый винил, смотрим в потолок, держась за руки и без умолку болтаем. Проектор давно «утонул» меж подушек и почти всегда показывает идеальную подборку фильмов.

Днём, когда мы спим после секса, свет пробивается в комнату, окрашивая всё в яркие оттенки. Прямо как в «Амели» Жана Пьера Жёне. Мы оба любим эту картину. Оба думаем о светлом будущем. Так, будто наше лето никогда не закончится, будто жизнь будет течь и течь. В тепле, в идеальном

свете, в прекрасно выстроенных кадрах. И, конечно же, так, чтобы история была пера не меньше, чем Уэса Андерсона. С нотками меланхолии, отличным планом и прекрасными персонажами.

Ты смеёшься и искренне улыбаешься. Каждое утро мы встречаем рассвет, потом – идём прогуляться по практически пустому городу. Приятно выйти на улицу до нашествия людей. Особенно – в воскресенье. Рано-рано утром, с рассветом. Когда встающее солнце едва-едва разбивает идеальный градиент синего неба.

В этом июне, ночи почти белые. Такие, что жизнь кажется светлее, состояние – легче, а мир вокруг – прекраснее. Я тону в тебе, а ты так счастлива. Наша спальня хранит запахи разгорячённых тел. Ты сидишь на подоконнике, завернувшись в одеяло, и смотришь на улицу далеко внизу. Я беру камеру и снимаю портреты. Красивые, наполненные теплом и искренностью. Стараюсь запечатлеть все детали. Твои прекрасные кудри, полные губы и, конечно же, глаза. Отвлечённый от меня, чуть уставший, взгляд – туда, в мир снаружи.

Играет музыка в старом проигрывателе, проектор показывает фильм «Мечтатели» Бернардо Бертолуччи, а мы идём босиком на балкон. Сидим на садовых стульях и разговариваем обо всём. В кадр попадает старый кактус, одиноко стоящий в окружении деревянных рам и старых стёкол. Оператор медленно раскрывает диафрагму объектива, и наши очертания растворяются в окружающем мире. В наполнен-

ный светом утреннего солнца балкон поднимается струйка дыма. Играет Balthazar – Decency. Слышен твой смех. Он замолкает, и силуэты двух людей в кадре сливаются в один.

Они уходят, оставляя залитую нежным светом балконную комнату наедине со старым кактусом. Музыка так и играет, на потолке спальни одна за другой, истории сменяют друг друга...

А я всё ещё сижу, курю электронную сигарету, зажав мундштук меж зубов и то и дело выдыхаю ароматный дым в экран ноутбука, погружая написанный текст в никотиновый туман.

Как можно не влюбиться в девушку с идеальным кинематографическим вкусом?

27.01.2020

Бегущие в ночи

Заказ пришёл посреди ночи, когда она спала. Сквозь пелену сна в разум прорвался цифровой сигнал с именем и координатами цели. На фото было лицо девушки с белой кожей, серым и зелёным глазами, подведёнными медными тенями, чёрным каре волос и приоткрытыми чувственными губами. Никоро повернулась в кровати и ощутила жжение в груди. Похоже, дурная наследственность давала о себе знать. Откинув одеяло, она прошлёпала босыми ногами по пластиковому полу и ковру из искусственных волокон на кухню. Там, махнув рукой перед датчиком движения, она открыла дверь. Небольшая квадратная комната с гарнитуром справа была освещена бирюзовыми и оранжевыми оттенками голографической рекламы, пробивавшимися через окно. Говаривали, что, ближе к верхним этажам и району А, рекламы было меньше. Пройдя к холодильнику, Никоро достала из него дозированный пакетик сжиженной пыльцы фей и, вскрыв его, выдавила содержимое в рот. "Зависимости вашей эльфийской крови станет легче уже через тридцать секунд!" – гласила надпись на пакетике.

– Ну да, конечно, – фыркнула Никоро, уперев руки в плиту и наклонив голову.

Она скорее ощутила, чем услышала сигнал вызова.

– Да? – всё так же сонно и борясь с болью в груди, сказала

она.

– Никоро, привет. Это Клэй, – прозвучал приятный баритон прямо у неё в голове.

– Ага. Я прочла информацию о звонке.

Видеосигнала не было, но, она была уверена, что Клэй сейчас улыбался.

– Нам поступил заказ. Срочный. Падение машины заметили в высотках квартала Б.

– И? – зевнула Никоро, – такое случается.

– Жители соседних домов сообщили, что слышали Зов. А в тех краях не живёт ни одного вампира.

– Ага. Ладно.

– Слушай, мне не обязательно брать твою эльфью задницу на каждое задание.

– Хочу напомнить, так, между нами девочками, что моя эльфья задница воспеваает твои подвиги в своём блоге и прекрасно прикрывает спину.

– Да и, твоя задница не так плоха.

– Эй!

Боль постепенно ушла из её груди и Никоро, наконец, выпрямилась и убрала с лица густые золотистые волосы.

– Никак не отойдёшь? – услышав её тяжёлое дыхание, спросил Клэй.

– Да. Дурацкая высшая кровь. Ненавижу, – прыснула она.

– Эта дурацкая кровь, намешанная в тебе на четверть, даёт тебе право жить в районе С.

– Да, – вздохнула она. – Ты заедешь за мной?

– Уже лечу.

Он прервал связь довольно резко, нетипично для себя. Наверное, действительно летит. Никоро прошла в спальню и, стянув через голову кофту, в которой спала, посмотрела на кровать. В ней, укрытая по шею, лежала девушка. Кожа её век слегка светилась фиолетовым. Она была в сети. Никоро звала свою подругу кошкой, ведь Хелья спала в сети большую часть дня.

– Снова вызов? – вклинился в разум эльфки статичный голос Хельи.

– Чёрт, я думала, ты спишь! – отозвалась та.

– Сплю. Мой разум работает в девять раз быстрее во сне. И обрабатывает данные чётче. В том месте машина не упала. Она плавно спикировала в сады на крышах. Начинайте оттуда.

– Ага, – буркнула Никоро, одеваясь.

– И, будь аккуратна. Не ходи безоружной. Это не высший Носферату, но хлопот может быть много.

– Конечно. Со мной же Клэй.

– Любитель силового меча. Да, – за статикой сети нельзя было разобрать истинных эмоций Хельи. – Возвращайся. Я хочу увидеть твои зелёные глаза утром.

– Они были бы голубыми, если бы я не давила жажду магии моей дурацкой крови этими микстурами, – натягивая ботинки, отозвалась Никоро.

– Твой народ страдает от этой зависимости. Так некстати, корпорация Мэшуно выросла на производстве микстуры фей. Мне жаль.

– Угу, – сказала Никоро. – Увидимся.

На улице был дождь, и она натянула газовую маску лицо. Дождь время от времени шёл в районах С и D. Попасть под него – значило попасть пот отвратительную смесь заклинаний и измениться. Почти любая магия оставляла след, что поднимался вверх и, позже, лил дождём. В нижних районах дожди шли почти бесконечно. Защититься от капель, спрятавшись под капюшоном, было легко. Как и избавиться от остаточного эффекта заклинаний, попавших на кожу волосы, или шерсть. Но вот попадание их внутрь меняло тебя существенно.

– Ты быстро собралась, моя милая полукровка, – голос Клэя звучал бодере, более басовито и низко из-за маски на лице.

Клэй был высоким темноволосым человеком, любившим длинные плащи. В этот раз, он снова надел шляпу. Его вечный атрибут – японский энергетический меч, висел на поясе. Оружие для борьбы с монстрами.

– Ты вообще что-то надеваешь кроме этих комбинезонов и курток? – сказал он, подходя.

– А тебе какое дело? – фыркнула Никоро.

Клэй был почти два метра ростом, но не слишком широкий в плечах. Жилистый и очень ловкий.

– Я вообще удивлён, что ты нашла обувь на свои хоббитские ноги, – рассмеялся он, тут же выставив вперёд руки и сдаваясь.

Это было правдой. Никоро была на половину эльфийкой, на четверть дворфийкой и хоббитом. Дурацкая смесь, как она искренне считала. Ни худой эльфьей фигуры, ни аккуратных ног.

– Пошли, – отрезала она. – Нам надо лететь. Получил пропуск в район Б?

– Да. Его присвоили через двенадцать минут после того, как я подписал нас на задание.

Клэй развернулся на каблуках и пошёл в сторону машины. Дождь становился сильнее. Огни голографической рекламы отражались в лужах.

Внутри машины было тепло и Никоро сняла маску и капюшон. Клэй хмыкнул, бросив на неё взгляд.

– Что? – спросила эльфка.

– Если не глядываться, то твои уши не такие уж и острые.

– Ну и отлично.

– Почему ты так сильно не любишь старшую кровь в себе?

– Она не дала мне ничего хорошего...

– Кроме квартиры в районе С.

– Я не об этом... – Никоро потёрла виски, – головные боли, странные сновидения, постоянная периодическая боль в груди. Эта жажда магии вызывает зависимость от пылицы фей.

– Ну, кто-то носит на шее демонические камни, или кристаллы маны, – пожал плечами Клэй.

– Ага, а я ем ramen и заливаю всё пакетиками со сжиженной пылью.

Клэй кивнул. Он прекрасно знал о страданиях своей напарницы и всегда носил с собой пару пакетиков «феи». Первое время, боль от жажды магии была не сильной и лишь доставляла дискомфорт, но он видел иссушённых, сошедших с ума существ, что когда-то были эльфами. Такие жили в отдельной резервации.

– Здесь налево, – подсказала Никоро, глядя как в катящихся по стеклу летящей машины каплях отражается неоновая реклама.

– Завораживает, да? – спросил Клэй.

– Да. Простая вода с виду, а на деле – отголоски чьей-то магии. Ничто не проходит бесследно.

– Сама-то не пробовала колдовать?

– Нет. Я полагаюсь на технику. Как и ты.

Это было чистой правдой. Клэй был человеком, но модифицировал себя. Он заменил часть сухожилий и поставил синтетические мышцы для более быстрой реакции. Каждый выживает как может.

– Такая работа, – кивнул он.

– Работа, да? – отозвалась Никоро. – Почему мы, Клэй? Тебе не кажется, что Джонсон просто издевается.

Клэй поднял руку, призывая помолчать и, нажав кнопку

блокировки микрофона и внутренних камер, кивнул: продолжай.

– Чем мы с тобой так выделились, что босс отправляет именно нас распутывать это дело? Можно подумать, среди нас есть хороший следопыт.

Клэй достал из кармана ингалятор и, встряхнув его, глубоко вдохнул. Его затрясло, руль дёрнулся и Никоро схватилась за угловатые дуги руля, удерживая машину.

– Ещё и химией закинулся прямо в полёте! – проворчала девушка.

– Ну, – выдохнув синий дым, ответил Клэй, – не у всех же эльфийские глаза с которыми прекрасно видишь в темноте.

– Я не вижу ими в темноте, – начала закипать Никоро, схватив Клэя за руку. – Видишь – они зелёные. Я давлю свою дурацкую кровь химией.

– А без неё? Пробовала жить?

– Пошёл ты, масх.

Клэй понял, что перешёл границу. Масх – очень грязное ругательство на эльфийском. Конечно, если в старшей речи и были ругательства, то звучали они певуче и красиво. Но не это.

– Прости. Я не это имел в виду, – делая большой круг над местом падения, сказал Клэй. – В смысле, помимо ломки и боли, что-то появляется? Может, остаточная магия?

Никоро потёрла глаза и с трудом подавила зевок. Вышло не очень.

– Свет загорается ярче. И я слышу, как Хелья шепчет. Её губы сомкнуты, как и всегда, в сети. Но я слышу.

– Мда...

Она потёрла виски и посмотрела в окно. Там, за пеленой дождя, торчали чёрные прямоугольники крыш, засаженные клонированными деревьями. Конечно, у этих растений не было ничего общего с их предками и, уж конечно, с эльфийскими лесами, о которых Никоро читала в сети.

– Туда, – указала она. – Приземлись подальше.

– Ага. Маску не забудь надеть.

– Босс не думал выделить нам новые? – спросила Никоро, натягивая на лицо противогаз и пряча волосы под капюшоном.

– Нет. Он считает, что мы и так нормально получаем. На днях я сделал глупость: пытался поговорить с ним по-человечески.

– Это звучало бы крайне расистски, не будь вы оба людьми, – заметила эльфка.

– Ага. Он всё так же тупоголов, горд и непробиваем.

– Что поделать, – пробасила через маску Никоро.

Машина мягко опустилась на траву и Никоро потёрла грудь, поморщившись.

– Болит? – спросил Клэй. – Снова ломает?

– Да, чёртова жажда магии. Знаешь же, что у полукровок внутренняя выработка маны и её расход нарушены?

Мужчина кивнул. Он порылся в карманах и протянул два

пакетика пылицы фей.

– Держи. Лучше выпить сейчас, чтобы ничто не отвлекало... И, как много этой дряни ты принимаешь в день?

– Восемь штук обычно, – беря пакетики, усмехнулась Никоро. – И ещё дважды в сутки делаю инъекцию.

Она опустила ворот комбинезона и показала красные круглые следы на шее от инъекционного пистолета.

– Ого! – присвистнул Клэй. – Ну, будешь пить?

– Нет, отложу на потом. Всё равно под рукой.

– Как знаешь, настороженно ответил Клэй. – Нам пора.

Они вышли в ночь. Никоро схватилась за крышу машины и жадно вдохнула отфильтрованный газовой маской воздух ночи. Дождь всё ещё капал, пусть и очень редкий. Эльфка поправила сенсорные перчатки и, подняв руку, начертила ею в воздухе круг:

– Ди, прикрой нас, – сказала она, поспешив вслед исчезающему в ночи Клэю.

От крыши машины оторвался тонкий прямоугольник и, бесшумно взмыв в воздух, исчез во тьме. Автоматический дрон будет их третьим напарником.

– Ты тоже слышишь? – прошептал рядом Клэй.

Он задал вопрос одними губами, прекрасно зная, что уши эльфийки уловят каждое слово. Девушка медленно кивнула. Она улавливала некий свист практически на границе восприятия. А ещё, этот Зов щекотал кожу.

В молчании, они пробрались сквозь заросший деревьями

парк, и вышли к дому. Трёхэтажное здание в духе классических особняков из камня и стекла, окружённое каменными столбами и кованым забором. Внутри было темно. Подойдя к воротам, Клэй достал полицейскую инсигнию. Поморщившись сквозь маску, Никоро последовала его примеру. Клэй поднёс инсигнию к сканеру и пробасил сквозь маску:

– Детектив Клэй Бравинг, отдел полиции зоны С. Направлен сюда для расследования дела о падении транспорта. Мне необходимо переговорить с хозяином дома.

Голубоватый свет сканера прошёлся по нему и автоматический голос сервитора произнёс:

– Принято, детектив Бравинг. Кто ваш спутник?

– Никоро Тао, – поднеся инсигнию к сканеру, сказала эльфа. – Детектив зоны С.

– Принято, детектив Тао. Ожидайте.

С минуту ничего не происходило. Клэй указал на ненадолго зажёгшийся в верхних окнах особняка свет. Стоя здесь, на мягкой траве в тени деревьев, Никоро было легче. Она искренне чувствовала себя дома. Пикнувший звук вернул её из красивой сказки в реальный мир. Подобные места могли позволить себе лишь владельцы корпораций и политические деятели.

Ворота открылись и голос сервитора всё так же безразлично произнёс:

– Проходите. Хозяин примет вас.

Клэй кивнул, приглашая войти вместе. Никоро заметила,

что левая рука напарника лежит на эфесе меча, крепко сжимаемая его искусственными мышцами пальцев. Не только сухожилия в теле напарника были искусственно усилены. В одну из вылазок, тёмный орк, которого они задерживали, оказался сведущ в шаманской магии и сильно обжёл руку Клэя.

Посреди большого, выложенного брусчаткой двора, высилась замаскированная под фонтан антенна. Похоже, жизнь на крыше накладывала свои ограничения. Двери впереди открылись, бросив прямоугольник света на улицу. Клэй поймал Никоро за руку и указал вверх. Эльфка непонимающе подняла глаза в ночную тьму и остановилась. Здесь, на высоком этаже, в тени деревьев, отсветы огней голографической рекламы были не так сильны и на ночном небе были видны звёзды.

– Дождь кончился, – заметил напарник.

Никоро стояла, как заколдованная. Не отрывая взгляда от неба, она стянула маску и капюшон.

– Завораживает, не правда ли? – услышала она приятный бас.

В произношении сквозил сильный акцент на "р" и, опустив взгляд, Никоро увидела перед собой вервольфа. Он возвышался над ней на полторы головы и стоял, закутавшись в халат и скрестив мощные лапы на груди.

– Надеюсь, мой вид не напугал вас, детектив? – оскалившись, спросил вервольф. – Я – Генн Варден.

– Один из соучредителей Мэшуно индастриз, что снабжа-

ет город пылью фей, – закончил Клэй.

Вервольф оскалился, изображая улыбку, и легонько кивнул:

– Мне приятна ваша осведомлённость, детектив. Давайте пройдем в дом.

Внутри было заметно прохладнее, чем на улице. Даже по сравнению с ночной температурой. Зимы в городе как таковой не было. Обильные осадки и повышенная от голографической рекламы, фабрик и систем под нижними уровнями города, температура не давала снегу сформироваться.

– Итак, – сказал мистер Варден, – прошу садиться. Можете выбрать этот прекрасный диван. И, предлагаю перейти сразу к делу. Моё время расписано по часам и... Слушаю вас.

Он резко, с удивительной для своих размеров ловкостью, сел в деревянное кресло. Никоро и Клэй обменялись короткими взглядами и заняли места на диване. Он оказался невероятно мягким и комфортным. Настолько, что эльфийке захотелось задремать. Однако, прохлада и полумрак, царившие в доме, не отпускали её сознание.

– Мистер Варден, мы признательны за ваше время, не займём его сверх меры и не побеспокоили бы вас, не будь на то причины, – сказал Клэй. – В данном районе слышали Зов вампира и именно здесь пропал транспорт с двумя людьми.

– Странно, – сказал вервольф, сложив лапы домиком и жадно принюхиваясь, – мой род славится отменным нюхом

и я бы почувствовал подобное существо. И, уж тем более, услышал его, или падение транспорта. Да и, системы дома должны были сообщить.

Никоро кивнула. Погружённый в полумрак, зал становился светлее. В груди начало жечь, горечь подступила к горлу.

– Вы в порядке? – уточнил мистер Варден. – Похоже, у вас жажда. Николь!

Он обернулся на стоявшего в углу зала сервитора, но машина не среагировала.

– Странно, – проворчал вервольф, – извините меня на минутку.

Он отошёл к дальнему углу и помахал лапой перед искусственным лицом робота.

– Похоже, в системе случился некий сбой, – пожал плечами вервольф. – Однако, у меня есть несколько инъекций "феи" для гостей. Позвольте, я отлучусь наверх, принесу.

– Право, не стоит, – попыталась воспротивиться Никоро.

– Я настаиваю. Дискомфорт, передающийся по наследству, мне знаком. Несколько дней в месяц я сам не свой.

– Мистер Варден, – спросила Никоро, – позвольте полюбопытствовать: это сервитор модели 860х?

– Верно, – обернувшись, заметил вервольф.

– С ними такое бывает, – рассмеялась Никоро. – Похоже, здесь произошёл технический сбой, и потерянный транспорт исчез из зоны радаров. Что ж, тогда мы не смеем вас более задерживать...

– Подождите, я принесу вам инъекцию, – оборвал её вервольф.

Клэй знал напарницу очень хорошо и молча кивнул, когда хозяин дома скрылся за дверью.

– Я тоже думаю, что произошёл сбой, – сказал он. – Ты видела эту тарелку посреди двора? Она должна была от души гудеть. Конечно, системы в доме изолируют звук, но сбой очевиден.

Мистер Варден вернулся довольно быстро. Никоро показалось, что он стал более статным и высоким. Наверное, просто проснулся и выпрямился.

– Благодарю вас, – сказала она, склонив голову и принимая заряженный инъекционный пистолет. – это честь – принимать лекарство от лидера корпорации.

– Каждый наш клиент важен, – оскалившись в улыбке, сказал вервольф. – А теперь, если у вас более нет вопросов, детективы, я попрошу вас оставить меня.

– Каждый наш клиент важен, – оскалившись в улыбке, сказал вервольф. – А теперь, если у вас более нет вопросов, детективы, я попрошу вас оставить меня.

– Да. Благодарим за ваше время, – поклонился Клэй и направился к выходу.

– Не забудьте принять лекарство, – сказал на прощание мистер Варден. – Не медлите с этим.

– Конечно, – улыбнулась Никоро. – Как только сядем в

транспорт.

Они прошли до машины молча, не оборачиваясь. Сев внутрь, Клэй запустил двигатели. Он поддал тяги так резко, что транспорт подпрыгнул на включившихся антигравях и повис в воздухе в метре над землёй.

– Слушаю, – сказал он.

– Эта тварь – не та, за кого себя выдаёт, – морщась от сильной боли в груди и горле, сказала Никоро. – Вервольфы склонны жить в прохладе, но сейчас не та фаза луны. Сервиторы 860х моделей всегда автономны и принимают команды только от владельца дома и главного техника. Руки... Лапы у него прохладные. А у вервольфов всегда температура тела выше, чем у эльфов.

– Выводы? – доставая ингалятор с ускорительной смесью, спросил Клэй.

– Это банс. Вампир уровня Б. Очень сильный мастер иллюзий.

– Получается, лидер корпорации мёртв, – присвистнув, сказал Клэй.

– Да. Иначе бы иллюзия давно рухнула.

Клэй кивнул и жадно вдохнул смесь из ингалятора. Никоро успела увидеть как вены на его шее вздулись и стали чёрными.

– Я пойду, посмотрю что происходит, – натягивая маску и сбросив плащ, сказал Клэй. – Ты подожди немного и тоже подтягивайся. Вся надежда на тебя и твои глазки. Ди до сих

пор в небе?

– Конечно. И заряжен серебром и Никковскими щепками.

– Ты зарядила во вторые стволы патроны с освещёнными щепками? – усмехнулся Клэй. – Извращенка.

Он натянул маску и, кивнув, выпрыгнул из машины. Чуть погодя, Никоро сделала тоже самое. Ночь окружила её. Клэй ушёл вперёд, весь в чёрном, с мечом в левой руке. Транспорт улетел, пронёсся, растрепав её длинные светлые волосы. Глубоко вдохнув, Никоро Тао сконцентрировалась на своих чувствах. Она сняла сенсорную перчатку с правой руки, переводя автоматный дрон в полуавтоматический режим. Голую ладонь пощипывало. Бансы не были сильны и никогда открыто не выходили на поединок, как то делали высшие вампиры. Эта тварь будет до последнего выжидать. Однако, бансы издревле водились в землях дворфов, а эта черта Никоро не была очевидна для вампира. Она вгляделась во тьму, изо всех сил стараясь ощутить тварь. Заострённые уши уловили лёгкие шаги, слишком лёгкие для человека и Никоро поспешила туда. У банса будет всего один шанс. Не стоило недооценивать интеллект твари. Подсунуть "фею" страдающей от жажды эльфийке-полукровке, чтобы заглушить её врождённые чувства – это хороший план. Никоро пробиралась в тени деревьев, когда услышала звук скрежетания когтей о сталь. Звук повторился снова и снова. Не прячась, она побежала на источник шума.

Уже почти у ворот, она увидела Клэя, отражающего мечом

град ударов когтей. В нападавшем на детектива не осталось и намёка на вервольфа. Куртка на теле Клэя была подрана и Никоро напряглась, подозревая дрон поближе.

– Даже не думай натравливать на меня свою игрушку, – поднырнув под энергетический клинок, сказал вампир.

Эльфийка выругалась, смотря как Клэй пропускает очередной удар и как когти твари вспарывают его защитную куртку и кожу. Что не так? Неужели, этот банс оказался сильнее обычной особи, а ускоряющая смесь слишком слаба?

– Снимай перчатку и отводи птичку, – скалясь, сказал вампир.

Никоро повиновалась. Ей совсем не хотелось терять напарника. Только не снова.

– Снимаю, хорошо, – сказала она.

Позади неё, дрон плавно спикировал на землю.

– Я же говорил, берите инъекцию и валите отсюда, – отпрыгнув от истекающего кровью Клэя и тяжело дыша, сказал банс.

– Это был хороший ход. Мудрый, – похвалила Никоро.

Она видела, что замаскированная под фонтан антенна посреди площадки у дома пошла рябью. Её края дрожали, а белые камень и сталь потемнели.

– Зачем тебе всё это? – спросила Никоро. – В центрах выдают кровь. Можно выбрать с разной степенью насыщенности. И даже полную эмитацию крови любой расы.

– И? – брезгливо приснул вампир. – Жить как ты? Насла-

ждаясь химическими подачками?

Никоро опустила воротник комбинезона, показывая всю в следах укулов шею и ничуть не сомневаясь, что банс с его острым зрением, разглядит следы.

– Нужно уважать другие расы и то, что нам предоставили лекарство. У каждого есть выбор. Мы не обязаны страдать от жажды.

– А я думал, что ты меня понимаешь, – ответил банс дрогнувшим голосом. – Кому как не эльфке знать, что такое жажда и зависимость.

Клэй, шатаясь, подошёл чуть ближе. Он поднял светящийся фиолетовым клинок и прошипел:

– Тогда, может, ты не будешь юлить и мы сразимся?

– Конечно, лапа, – дрожащим голосом ответил банс и исчез.

Перед глазами Клэя возник длинный коридор из старого дерева. Детектив шёл медленно, осторожно, поднимая меч для защиты. Здесь пахло пылью и старостью, а пол под ногами скрипел. План был хорош, хоть и рискован: позволить голодному бансу ранить себя, заставить ослабить бдительность, чуя запах свежей крови и убедить, что Никоро не может видеть сквозь иллюзии.

Стена сбоку от Клэя взорвалась щепками и мимо пронеслась косматая тень. Детектив встал, выставив вперёд меч, готовый отразить следующее нападение. Каждая досочка пола скрипела, как бы тихо он ни шёл. Это был иллюзорный

мир, идеальная площадка для охоты. Оторвав руку от рукояти меча, Клэй коснулся ладонью дерева стены: твёрдое. Но, так не должно было быть. Иллюзия слишком сильна. Внезапный р-ык из-за спины больше напоминал вервольфа. Клэй наклонился, уходя от удара, но широкие когти вспороли ему спину. Косматая тварь развернулась и тут же ринулась к нему. Существо двигалось невероятно быстро, целя когтями детективу в лицо. Клэй попытался поднять меч, зная, что не успеет. Даже усиленных мышц, разогнанных химией, не хватит против такой скорости. Он уже приготовился принять удар, когда тварь остановилась в сантиметрах от цели. В лицо пахнуло мокрой псиной – иллюзия была очень хороша. Однако, Клэй тоже не мог двинуться.

– Что за?! – услышал он вой банса у себя в голове.

Стены стаяли таять. Вокруг медленно прорисовалась ночь, черты вервольфа спали, показав кривую морду банса с острыми клыками и длинными когтями на лапах. Справа от них стояла Никоро. Глаза её ярко светились голубым. Девушка простёрла обе руки к бансу, удерживая тварь.

– И? – пробублькал вампир. – Надолго тебя хватит, милочка? Твой дрон валяется без связи, а ты...

Голова вампира разлетелась всполохом кости и кровавых осмётков. Тело повалилось на землю. Клэй поднялся, тяжело дыша.

– Что это? – уперев клинок лезвием в землю и держась за рукоять спросил он.

Их дрон лежал в полуметре от Никоро, отвернув сдвоенные оружия в сторону. Он никак не мог застрелить вампира. Эльфийка стояла, схватившись за голову и приходя в себя.

– Ну вы же не думали, что я оставлю вас наедине с этой штукой, – прорвался сквозь статику в эфир женский голос.

– Хелья, – улыбнулась Никоро.

Над ними промчался военный дрон с крупнокалиберной пушкой, осветив огнями площадь.

– А вот и пропавший транспорт, – указав на обломки посреди площадки, где ранее был фонтан, сказал Клэй.

– Звони шефу, – сказала Никоро, доставая из кармана инъекционный пистолет. – Кто бы мог подумать, что, отказавшись от дряни, что избавляет меня от боли, я спашу наши задницы.

– Маг, да? – подходя, сказал Клэй. – Интересная ты девушка.

– Может, теперь, ты согласишься сходить со мной поесть онигири? – усмехнулась Никоро.

– Может, – улыбнулся Клэй.

29.05.2020

Лёгкие мысли

Утро. Меня чуть обдувает ветер и приходится кутаться в плед до самого подбородка. Снизу, ногам жарко. Постепенно, сквозь туманную пелену сна, я различаю тихие аккорды музыки и приглушенный вокал.

– Поли? – этот голос не спутаешь.

Но сон всё ещё не отпускает. В нём я ищу какого-то человека и борюсь с последствиями чего-то.

– Поли?

Ну вот, снова. Я оставила три исписанных тетради с набросками новой книги в сумке в багажнике и до них не добраться. Соня уже успела позвонить посреди ночи и сказать, что встретит нас на площади Маркса. Но, чёрт, безумная энергия ночи, где ты? Спит, укрывшись одеялом по самый подбородок.

– Поли, проснись, блин.

Опять этот голос. Это во сне, или нет? Кажется, я сплю дома, а ветер проникает в комнату через приоткрытую форточку и, пошевелив занавеску, касается своими прохладными ладошками моего лица. Кошка спит под мышкой, а встающее солнце понемногу окрашивает ноябрьское небо.

– Полин, проснись, – Тимур не выдерживает и щелчком пальцев запускает пробку от колы мне в лоб.

Пелена сна постепенно сползает, вынимая меня из киселя

сна. Магнитола тихо играет *Bicycles for Afghanistan* – Мы не существуем. Не удивительно, что Тимур хочет спать под такую спокойную песню. Подслеповато пошарив перед собой, я утыкаюсь руками в свою цветастую вязаную шапку, лежащую на приборной панели и нашариваю там очки:

– Встаю-встаю.

– Тише, других не разбуди, – громким шепотом обрывает он.

– Двойные стандарты, да? – потеряв глаза и надев очки, спрашиваю я.

Волосы снова спутались и пушистым светлым веником закрыли часть лица. Тимур оборачивается на меня и начинает смеяться. Песня сменяется на более живую. Я улыбаюсь. Мы едем на его «буханке» на концерт в Краснославль.

– Шесть тридцать, – громко фыркнула я, глянув на часы, –И чего ради ты меня так рано разбудил?

Тимур бросил на меня быстрый взгляд:

– Ради того, чтобы я не въехал куда-нибудь спросонья.

– Кофе. Пил? – вглядываясь в его напряженное лицо, спросила я.

– Ага.

Он кивнул на несколько банок энергетика в корзинке меж сидениями. Я вздохнула и откинулась на спинку сидения, прикрыв глаза.

– Эй, даже не думай, – запротестовал он.

– Ага.

– Слева от меня. Глянь, – посоветовал Тимур.

Я оглянулась. Оранжевые огни прожекторов мигали нам в окна, проносясь мимо, но дальше, за ними, нежно-голубое небо светлело, уступая место приятному красноватому сиянию, разливавшемуся по горизонту. Улыбнувшись, я полезла в сумку, лежавшую у ног и выудила оттуда фотоаппарат. Стараясь никого не разбудить, я полезла назад, к свободно-му окну и сделала пару кадров.

– Ну вот, – кивнул Тимур. – А то бы проспала всю красоту.

Лежащие на задних креслах пошевелились и я поспешила убраться обратно. Музыканты. Они спали довольно мило среди сумок с вещами, сложенных башней и утыканных бутылками с газировкой по краям.

– Тим, – сказала я, убирая фотоаппарат, – мне бы... остави как будет место, пожалуйста.

– А? Что? – он обернулся и почесал голову, приводя в полный хаос свои отросшие каштановые волосы, – а, туалет.

Я кивнула, залившись краской и надела шапку. Подумав, достала блокнот и покусанным карандашом принялась черкать прилетевшие в голову мысли.

– Дорожные заметки? – спросил Тимур.

– Ага.

– И, это будет новое «На дороге», мой Джек Керуак?

– Ага. Мы едем в твоём милом замке, дорогой Кафка, – парировала я.

Мы рассмеялись, вовремя постаравшись быть тише. Ти-

мур сбавил скорость и прижался к обочине. Я пихнула карандаш меж страниц и закрыла блокнот на резинку.

– Тебя посторожить? – спросил он, когда мы остановились.

– Да, пожалуйста.

Улица встретила меня морозной прохладой и я помечтала о белом фарфоровом друге, что ждёт нас у Сони дома. Он и постель. Хотя, в первом сидении в буханке Тимура что-то было. Наверное, близость с ним. Я сидела на корточках, совмещая необходимые действия со своими мыслями, когда он спросил:

– Ты же знаешь, что нравишься мне?

– Не пойми меня неправильно, – продолжая смотреть на закат, сказала я, – Но, разве сейчас самое время поговорить об этом?

– Ну, сейчас мы оба отдыхаем, болтаем...

Судя по журчанию, он занялся тем же. Я пожала плечами и зевнула, вставая.

– Дальше ты поведёшь, – спокойно сказал он. – Выдержишь часик?

Он подошёл, даже не дождавшись пока я окончательно оденусь и протянул пачку влажных салфеток:

– Держи.

– Спасибо, – я вытерла руки, – Да.

Тимур достал пачку сигарет и прикурил. Я подумала и, вытащив сигареты из его кармана, присоединилась к нему.

– Фу, курящая девушка, – наигранно и сонно сказал он.

Я улыбнулась, затаившись и выпустив струйку дыма в рассветное небо:

– Ты знаешь, я знаю.

Он обернулся:

– Обожаю эти фразы. Теперь я знаю, что ты знаешь, что я знаю.

Я кивнула, хихикнув и бросила быстрый взгляд на спящих в машине музыкантов. Утро начиналось хорошо. Небо впереди нас всё ярче разгоралось алым, широкими мазками разлитым от края до края. Подумав с миг, я выкинула сигарету под буханку и, подойдя к Тимуру, взяла его за руку. Он докурил и стоял, смотря мне в глаза. В этот момент, в молчании на обочине пустой трассы, освещаемые рассветным солнцем, мы понимали больше, чем шумными вечерами после концертов. Молчание и взгляд были куда красноречивее всех песен, намёков в моих рассказах и сведённых к шуткам комплиментов спьяну. Встав на цыпочки, я поцеловала Тимура. Его губы всё ещё хранили вкус сигарет. Это добавило поцелую больше искренности. Сурового привкуса реальной жизни в мягкой теплоте ванильного момента.

– Ты мне тоже нравишься, – шепнула я.

16.11.2018

Никотиновые призраки

Я чувствую, как никотин из электронной сигареты медленно оседает в моих лёгких. Губы дрожат, а, среди двух полосок тонкой шёлковой ткани халата, распахнутого спереди, торчат от холода, или отвратительно грязного возбуждения соски. Я вижу, как всё тело дрожит. Вижу, или ощущаю в дурмане электронной убивающей меня палочки. Дым окружает лицо, он щекочет нос и хочется его потерять. Это совсем не похоже на ставшие такими родными обычные сигареты, что своими бычками вдоволь забили банку на краю стола. Банка. Ещё немного и она переполнится. Так же, как я. Каштановый никотиновый яд стекает в воду внизу. Он копится там. Так же, как и в моём теле.

Пустые обещания, чужие обнажённые тела в памяти моего фотоаппарата. Я думаю о них, о девушке с волосами цвета охры, о ёжике волос у неё между ног и моя ладонь сама медленно опускается вниз. Пальцы скользят по прохладному плоскому животу и спускаются ниже. Там тепло. Я смеюсь. Отвратительно и глупо. Жизнь протекает медленно, то и дело подсыпая яда ошмётками, что выпадает из недокурренных сигарет. Справа от меня отвратительно токсичный "снежный шар". Табачные листья вместо снежинок и никотиновый яд вместо воды.

А она... она была хороша. Красива собой. В лёгкой атлас-

ной пижаме, что я заставила снять. Что это было? Морок? Бессилие?

Доведшее до сумасшествия одиночество?

Я вспоминаю её нежные губы, и тут же в сознание врываются мужские руки. Увы, лишь в сознание. В комнате лишь я в никотиновом облаке, медленно тонущая в собственных пороках. В носу щекочет, руки дрожат. Дрожат и продолжают делать своё дело. Я бы закинула ноги на края стола, если бы не боялась свалиться на пол вместе со стулом в самый неподходящий момент.

Иногда просто хочется кому-то принадлежать. Иногда просто хочется гореть. Надеть под кожаный плащ чулки и бельё и отправиться на встречу с человеком, что так давно тебя желает и добивается. Что я потеряю от этого?

Затяжка, момент, похожий на парение на пике и падение. Выдох. Облако вокруг становится плотнее. Сильнее окружает меня. Губы пересыхают, но между ног отвратительно мокро. Я чувствую, как пальцы по самую ладонь стали влажными и понимаю, что не хочу это делать сама. Зажав электронную сигарету в губах, я второй рукой сильно сжимаю грудь и думаю о том, что позволила бы ему увести меня в тот отель с джакузи. А почему нет? Многие из вас трахались в джакузи? О, это слово. Я видела, как люди морщатся, когда его слышат. Люди, у которых есть дети. Интересно, как эти дети были созданы, если их раздражает такое слово? Слегка

соприкоснувшись рукавами, или же после посещения дамы высшим духом? Нет? Тогда, почему бы не получать от подобного удовольствие? Зачем тратить время впустую? Если видишь порох вокруг – можно сжечь!

Снова затычка. Я закрываю глаза и держу в лёгких дымный яд. Чувствую, как он чадит никотином внутри.

У моей подруги роскошная талия и длинные пшеничные волосы. Я лежу и понимаю как давно хочу увидеть её обнажённой. Хочу ли я её? Хороший вопрос. Но я бы хотела лишь сделать снимки. Такую красоту надо успеть поймать. Пока не стало поздно, пока она ещё здесь. Именно в том образе, что, я уверена, сжигает ночи в пепел.

Чувствуешь этот запах? Это запах секса. Ничто в мире так не пахнет. Я обожаю запах секса поутру. Однажды я трахалась почти двенадцать часов подряд. А, потом, вся простыня была мокрой. Тело дрожало, измученное негой. Вино, что мы пили ночью, почти всё выветрилось. Оно было лишь прекрасной вяжущей вишенкой на торте. Прелюдией перед прелюдией. Бордо, прямо как я люблю. А потом, мы сидели под душем, не в силах встать. Мои волосы облепили тело, они закрыли глаза мокрыми прядями, и я не хотела их открывать. Лишь покурить тут было бы прекрасно. Сидя так, я ощутила его руки на мне. Хотелось воспротивиться, но зачем лишать себя приятного? Он потом уйдёт? Да. Так всё устроено. Но, чем торчать в пузыре одиночества, почему бы мне не сжечь эту ночь. Почему бы не оставить столь яркое воспоминание,

что потом будет со мной всю жизнь и что я потом буду вспоминать ночами.

Я выдыхаю носом две серые струйки дыма и шепчу: «Какие же дрянные эти электронные сигареты!». В них, как и в цифровом звуке, нет души. То ли дело винил.

На запястьях всё ещё остаются следы наручников. Волна постепенно подкатывает, и я замечаю, как, среди укрытого облаками неба, проскальзывают лучики солнца. Сжав кончик пластикового мундштука электронной сигареты, я вспоминаю как там, в душе, он снова взял меня. В то же время, в мыслях смешались образы двух девушек. Никотин с шумом врывается в моё тело и тут же яростно выходит обратно.

Однажды, это одиночество закончится.

11.11.2020

Лара

Он пришёл в город после заката и почти сразу же увидел её. Не понятно, где и сколько времени блуждало сознание и каким невероятным образом одинаковые, казалось, улочки сошлись возле старого кирпичного особняка, но там стояла она. Возле портрета благочестивого господина Дарна. Невысокая худая девушка с каре чёрных, нарочно зачёсанных на глаза волос. Слав узнал её, не смотря на то, что так долго здесь не был: это была Лара. Она ещё с детства отрастила чёлку и всегда прятала под ней глаза. Люди вокруг могли бы-ло подумать, что стеснялась, или задумала неладное, но всё было куда проще. Зелёные. Бледно-бледно зелёные глаза, за которые её однажды заклеил ведьмой отец Иннокентий. Шутка-Ли, да так и продолжили за глаза называть девушку люди. В Мировке всегда было беспокойно, а дом Фасиных располагался на белой земле. Вся Мировка – от каменного центра и до старых, казалось, стоявших вне времени маза-нок, была поделена на белую и серую землю: церковь и дру-гие верования. Здесь, старые обычаи всё ещё были крепки, но Лара жила со своим отцом на белой земле и потому, при-ходилось терпеть.

Слав хорошо запомнил её чуть сутулую спину, вечно опу-щенные, спрятанные глаза. Конечно, сейчас перед ним стоя-

ла уже другая девушка. Она стала выше, фигура, что он помнил совсем детской, стала более статной, изящной и красивой. Он поймал себя на том, что залюбовался ею. Но Лара не замечала. Она тихонько проскользнула в дом, и след белого платья растворился в темноте. То был большой кирпичный дом отца Иннокентия.

«Наверное, ему сейчас уже под шестьдесят» – подумал Слав и почему-то пошёл следом.

В темноте мерещились следы Лары. Похоже было, будто они светятся фиолетовым. Но, это было не так. Отогнав морок, он прошёл ко двери и, легонько коснувшись ручки, тут же оказался внутри.

«Что за чертовщина?» – подумал Слав.

Здесь царил запах старого дерева, вещей и жареной курицы. Тусклый свет светильников на стенах едва выхватывал из темноты коридора картины, делая образы написанных там людей гротескными и демоническими. Лара любила такое. Эх, Лара. Она ему нравилась. Тогда, давно. В другой жизни. Сейчас-то Слав понимал, за что так мог обозлиться отец Иннокентий. Но сейчас...

Фиолетовый всполох впереди поймал его внимание. Не осознавая что делает, Слав снял ботинки и в одних носках пошёл следом. Боясь, что половицы вот-вот скрипнут под ногами, он шёл медленно. По спине пробежал холодок, а сердце разгорелось немой яростью. Лара. Неужели, она всё-таки сдалась? Смерть её матери, конечно, сильно ударила по

семье. Дом ветшал, отец болел, и девушке приходилось выживать самой. Но, Слав видел светлое платье с шарфом. Он вдруг вспомнил запах волос Лары. Как им было по восемь лет и они стояли в поле. Устланное высокой желтеющей травой, в огнях заката поле простиралось до самого горизонта. Он вздохнул. Тогда, всё казалось проще, легче. Тогда, но не сейчас. Наверное, в те дни в бледно-зелёных глазах Лары всё ещё оставались искорки счастья.

Всполохи повторились, а потом, раздался скрип. Слав готов был поклясться, что это были не половицы. Звук шёл из-за угла. Сглотнув, он аккуратно заглянул за стену и увидел приоткрытую дверь в зал. Оттуда пульсирующими волнами накатывал свет. Багровый, сменяющийся охрой.

«Прямо как опавшие листья, что она так любила» – подумал Слав.

Вздохнув и собираясь с силами, он прошёл вперёд и, толкнув дверь, замер на месте. Нет, не ужас сковал его. Тело отказалось шевелиться. Можно было лишь дышать да вертеть глазами. Но он видел лишь одно. Прямо за дверью была Лара. Она стояла очень близко, в силу своего роста, смотря на него снизу – вверх. Девушка откинула с лица чёрные, аккуратно расчёсанные волосы и принялась медленно отмаывать с шеи шарф. Чем больше ткани покидало её тонкую шею, тем ярче становились всполохи. Из-за её стройной спины, раздавались скрипы и что-то ещё. Какой-то странный, булькающий звук. Но Слав мог только смотреть. На неё. Ла-

ра сняла шарф и, надев его Славу на шею, улыбнулась. Расстегнув две пуговицы застёгнутого по самую шею платья, она показала багровые следы на шее, синяки на плечах и развела руки в стороны.

Девушка громко рассмеялась и, пританцовывая, запрыгала вдаль, прочь от Слава. Полумрак комнаты то захватывал её, то отпускал, но бледно-зелёные глаза, будто два угля, тускло светились во мраке. Наконец остановившись, она медленно, на цыпочках, так же как и Слав, босиком, подошла ближе. Теперь, Лара принялась снимать длинные перчатки из поношенной серой ткани. С правой руки, перчатка слезла легко, а вот с левой – с трудом. Лицо девушки напряглось и, с беззвучным криком, она сорвала с руки перчатку. Когда Лара водружала их на руки Слава, он увидел всю иссечённую кровоточащими шрамами правую руку и испугался. Тонкое запястье девушки ободком покрывало синеватое пятно, по всей длине перехваченное грубыми нитками.

Она прижалась ближе, и Слав вновь погрузился в тот осенний вечер, когда они оба стояли посреди поля и смотрели друг другу в глаза. Лара что-то зашептала, но он услышал лишь ветер, качнувший старую форточку.

Наконец, Лара расстегнула и сбросила с себя платье. Она осталась стоять прямо перед ним. Нагая, худая, с почти детской фигуркой. Обернувшись, девушка вытерла с лица слёзы и вымученно улыбнулась. Всё её тело покрывали синяки, а, пересекая небольшую грудь, шёл глубокий порез, как

и запястье, схваченный грубыми нитками. Дрожащими руками, она коснулась щёк Слава и нежно поцеловала в губы. По-детски, едва коснувшись. Наконец, оцепенение немного спало, и он сумел оторвать взгляд. За Ларой, сидел в кресле отец Иннокентий. Он корчился от боли. Бросив на него взгляд бледно-зелёных глаз, Лара подняла к потолку кровоточащую руку, и кресло со священником взмыло в потолок. Оно несколько раз ударилось о старые балки и, лишь потом, рухнуло на пол. Стул развалился, а тело Иннокентия упало, будто мешок с тряпьем. Лара подошла к нему и, присев на корточки, что-то говорила. Но Слав не слышал, как ни напрягал слух. Наконец, закончив свою речь, Лара отошла от тела и, едва девушка отвернулась, священник вспыхнул. Слав видел, как горит на старике одежда, слышал как его крик разрывает ночь. Он видел, как сторают седые волосы, как в пламени мелькает искажённое агонией лицо. Оно всё меньше напоминало человеческое.

Но, Лара взяла его за руку и вывела из комнаты. Едва их ладони соприкоснулись, возможность двигаться вернулась. Девушка вывела Слава из дома, не забыв указать на ботинки. Перед самым выходом, она надела платье. Сквозь перчатку, что оставалась на руке Слава, он едва чувствовал тепло её тела, зато прекрасно слышал крик Иннокентия и запах горящего дерева.

Когда они уходили с улицы, за спиной уже яростно пылало. Выйдя далеко в поле, Лара улыбнулась и, на миг, всё

вокруг стало ярче. Слав ощутил себя тем ребёнком, что был по уши влюблён в эти бледно-зелёные глаза. Дымка поднималась над полем, и он почти не помнил как снял одежду да лёг. Чувствовал, как Лара сбросила платье и села сверху. Слав смотрел на её тело и, в лучах луны, с него исчезали все шрамы.

А наутро, его настигло страшное похмелье. Так, будто он пил всю ночь. На руках были всё те же вязанные перчатки, а на шее – шарф. Сухая трава вокруг была примята. Так, будто там спал ещё один человек.

Вернувшись в город, Слав увидел дымящееся пепелище на месте дома Иннокентия. Спросив о судьбе Лары, он нарвался на непонимающие взгляды. Как выяснилось, девушку убили три года назад. Судьба её так и не стала светлее и, однажды, её просто забили камнями. Виновных так и не нашли, да и стали бы искать виновных в убийстве ведьмы? Отец Лары повесился после похорон дочери. Но, что же это тогда было?

Раз за разом Слав приходил на могилу Лары на кладбище в белой земле. Но там, холмик Лары был едва заметен. В один такой день, к нему, пьяному, подошёл сутулый старик и увёл за собой. Славу было уже всё равно.

Каменные улицы сменились мазанками и, выведя Слава в поле, старик сухой рукой указал на торчащие из земли высокие камни. Сознание прояснилось.

«Здесь» – понял Слав.

Она видела, как он мучается и раз за разом приходит на белую землю, к могиле. Нельзя было ни сказать, ни подойти. Лишь много позже, когда Слав наконец-то дошёл до её нового дома, Лара смогла вздохнуть. Она помнила. Помнила тот осенний день. Последний день, когда улыбка касалась её губ. Искренняя улыбка, полная радости и света.

Напрягая глаза, она вгляделась в фигуру Слава и, мысленно попрощавшись с ним хотела было уйти. Задумавшись, девушка обернулась и, сделав нужный жест, принялась наговаривать на Слава отворот от худого. Хоть немного. Но пусть светлый человек, что зачем-то вернулся в белые земли, побудет защищённым. А там, глядишь, он поймёт, что в городе делать нечего и уедет.

Закончив, она почесала грубо перехваченное нитками запястье и задумалась: что будет, если их вынуть? Отвалится ли когда-то отсечённая рука?

Лара бросила последний взгляд на Слава и, утерев слёзы рукавом серого платья, ушла.

– Спи спокойно, медведь, – прошептала она. – Ночь темнее всего перед рассветом, а тени чернее всего в самый яркий день.

13.10.2020

Письмо

Привет...

Интересно, за каким делом тебя застанет это письмо. Мне правда хотелось бы знать. Будешь ли ты гулять, или делать что-то ещё.

Кто бы мог подумать, что всё будет так. Никак не надышишься. Всё внутри дрожит, как после холода. Но дрожит от полной ему противоположности. Наверное, я слишком банален, но и удержаться от таких слов не могу.

Мы все допускаем ошибки, и я допускаю их постоянно, ошибаюсь и... где были мои мысли тогда. Ты знаешь, у одного писателя была фраза «Почему я не встретила его раньше?». Встретил. Тебя. И вот, я пишу тебе. То, о чём, наверное, пожалею. Ты знаешь, что все мои мысли вокруг да около одной темы, одной аксиомы. Да-да. Ты уже её знаешь. Может быть, ты ненавидишь меня, может быть. Сложно сказать.

Ты знаешь, я ведь тогда с ума сошёл, увидев тебя. Чего мне стоило хотя бы... а почему я просто не смог позвонить тебе тогда? А? Это нужно спросить у меня. Идиот...

Сейчас, можно сказать, это не имеет значения, но чёрт! Это имеет значение для меня. Потому, что я мечтаю, чтобы появились мы. Да-да, именно мы. Мне это важно. Я держу ногу занесённой над граблями, говоря всё то, что говорю. Да

пусть они хоть топором оканчиваются, я уже не в силах жить просто так, без тебя. Это просто отвратительно.

Да, я надеюсь и верю в то, что мы с тобой сможем вместе всё изменить. Меня влечёт к тебе, как комету к планете. Расстояние меж нами так бешено и скоро сокращается. Если мы соприкоснёмся – ей богу, произойдёт взрыв. Жизнь будет уничтожена, но родится новая. Этого я бы и хотел.

Я никогда, никогда прежде не встречал такого человека. Знаешь эту ложь про то, что противоположности притягиваются? Это самая наглая ложь из всех.

У меня нет машины времени, а будь она, я бы кое-что исправил. Да, я бы просто позвонил тебе. Просто так. Даже, чтобы услышать то, что ты занята (если бы ты была в тот миг занята). И потом, перезвонив снова, позвать тебя гулять. А почему нет? В театр, в кафе, да хоть в арт-галерею. Да!

И тогда... как и сейчас, я просто мечтаю об одном. Не оставить тебе не единого шанса быть одинокой. Не оставить тебе шансов грустить и печалиться. Быть рядом и греть. Сжигать к чертям всё вокруг и быть счастливыми.

Счастье – вот то единственное, что имеет смысл.

Есть вещи, которые бесценны, а все желания, по сути, невероятно просты в своей составляющей. Например? Твоя улыбка. Да, именно так. Искренняя улыбка и, чёрт, общие, мать их, увлечения! Да! Именно это. Смотреть на одни вещи

и думать о них вместе. Вот она – квинтэссенция хороших взаимоотношений. А мечта – это просто. Твои губы. И коснуться их поцелуем. И услышать, что ты думаешь обо мне... Да, так.

Ты покорила меня ещё тогда, но за эти годы я несколько не остыл к тебе, а сейчас, я просто в безумии, бьюсь головой о мягкие стены комнаты.

Ты же уже знаешь, что я сейчас скажу, да? Ты давно это поняла, ещё тогда... ещё после тех слов, что я робко написал тебе в первом письме.

Тянуть, пожалуй, незачем.

Я просто люблю тебя, милая Джульет.

Искренне твой, Марк.

18.09.2020

Вот бы, и правда, встретить утро вместе

"Интересно, а что она делает?" Я смотрю на небо, покрытое облаками, то и дело просвечивающего скупым на тепло осенним солнцем и думаю, что не зря надела шапку. Хотя, вроде, ещё сентябрь.

Вдоль дорог уже нападала листва, проезжающие мимо машины поднимают волны брызг в лужах вчерашнего дождя. Я стою и думаю, что эта вода ещё вчера видела небо, обнимала его, а я сейчас стою тут, в красной шапке и жёлтом дождевике, аккуратно, как ребёнок, пробуя носком кроссовка лужу. Авось, повезёт и она не окажется слишком глубокой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.